

Короткова С.А.,

к.и.н., доцент НИУ-ВШЭ (Москва)

Дневник Мэри Гоулд Элми.

Осада Ньюпорта, Род-Айленд, август 1778 г.

Так уж случилось, что наиболее распространенная память и представления о любой войне – мужские. У каждого из них свое представление о ней. Для одних война — это сражения, подвиги, герои; для других — разрушения, холод, голод, обстрелы. Совсем иной видят войну женщины. Женская память охватывает тот материк человеческих чувств, который обычно ускользает от мужского внимания. Если мужчину война захватывала как действие, то женщина воспринимала и переносила ее иначе в силу своей женской психологии, что находило свое выражение на страницах дневников. Ряд таких исторических памятников, вышедших из-под пера женщин, сохранили детали событий, происходивших во время Американской революции.

Через два дня после победы при Саратоге в ходе Войны за независимость США Людовик XVI заявил о готовности подписать союз с американцами, что и было сделано 6 февраля 1778 г. В марте Великобритания отозвала своего посла из Парижа. 13 апреля из Тулона на помощь восставшим колонистам вышел французский флот в составе 12 линейных кораблей (два 90-пушечных, шесть 74-пушечных, три 64-пушечных, один 50-пушечный) и 4 фрегатов с несколькими тысячами солдат пехоты на борту под командованием графа Шарля д'Эстена. Первое столкновение двух флотов 17 июня 1778 г. было началом войны Франции и Великобритании.

В июле флотилия французского графа пришла к восточному побережью Америки. С 11 по 22 июля 1778 г. она блокировала флот лорда Ричарда Хоу у Сэнди-Хук (полуостров на востоке штата Нью-Джерси, у входа в Нижнюю Нью-Йоркскую бухту), но атаковать не решилась, хотя численно превосходила англичан. Французские корабли не смогли преодолеть бар Нью-Йоркской гавани. В этой ситуации совместное американо-французское командование решило направить прибывшие силы в Род-Айленд и изгнать оттуда британцев. Стратегически это открывало Наррагансетский залив для союзников и закрывало для английского флота.

29 июля 1778 г. французская эскадра появилась у Ньюпорта¹, который защищали несколько кораблей и 3 тысячи английских солдат во главе с генералом Робетом Пиготом. 8 августа граф Ш.

---

¹ Самый крупный город Род-Айленда с декабря 1776 по 1779 г. был оккупирован английскими войсками. За этот период в колонии произошло 60 сухопутных столкновений и 11 морских.

д'Эстен, послав корабли к востоку и западу от острова, вошел в бухту и захватил один британский фрегат, остальные 4 фрегата и шлюп были сожжены командами, чтобы избежать плена. Уцелевшие моряки, артиллеристы и морские пехотинцы сошли на берег.

Р. Пигот решил вырубить сады и снести дома вокруг Ньюпорта, чтобы иметь поля для свободного обстрела, и перегнать в город весь скот. Британские и гессенские пехотные полки генерал расположил вокруг города для обороны.

9 августа к Ньюпорту по суше для поддержки французских войск подошла 10-тысячная американская армия генерала-майора Джона Салливана. (За мобилизацию от Род-Айленда в Континентальную армию отвечал полковник Кристофер Грин, но он не смог набрать нужного количество солдат. Поэтому силы Салливана были очень разнородными: под ружье было поставлено все ополчение Род-Айленда во главе с Уильямом Вестом, сюда прибыли войска из Коннектикута, Массачусетса и Нью-Гемпшира, 4 артиллерийских полка).

В этот же день пришло известие, что неподалеку появился флот лорда Хоу. На следующий день французские корабли снялись с якоря, чтобы сразиться с англичанами. Британцы располагали меньшими силами (шесть 64-пушечных корабля и три 50-пушечных), но Ричард Хоу переиграл Шарля д'Эстена искусным маневром.

В последующие два дня 11 и 12 августа разразился сильнейший шторм, который значительно потрепал оба флота и серьезно осложнил положение американских сухопутных сил. После бури между кораблями завязалось несколько дуэлей, самой серьезной из которых стал бой между британским «Известным» (50 пушек) и французским флагманом «Лангедок» (90 пушек). Французский корабль, лишившийся всех мачт, не мог свободно маневрировать, что позволило англичанам методично обстреливать его. Ш. д'Эстен, предвидя возможность плена, приказал выбросить за борт все секретные бумаги и карты. Его спасло только появление других кораблей флотилии. Собрав к 20 августа свои корабли, французский адмирал решил уйти в Бостон на ремонт, так и не высадив армию на берег.

Джон Салливан начал наступление на Ньюпорт 14 августа, но был остановлен обороняющимися англичанами. Осада города с суши осложнилась после ухода французских кораблей, т.к. британцы получили возможность снабжать гарнизон по морю. К концу августа в Ньюпорт прибыло подкрепление англичанам под командованием генерал-майора Чарльза Грея. 27 августа генерал Салливан снял осаду, а на следующий день отошел на север острова в район Батс-Хилл. 31 августа силы Континентальной армии были отведены в Бристоль и Тивертон, оставив остров в руках противника. Так и не добившись решительной победы на восточном побережье, Шарль д'Эстен 4 ноября 1778 г., уходя от зимних штормов, направился в Вест-Индию.

Автор дневника, текст которого приводится ниже, Мэри Гоулд родилась в 1735 г. и была четвертым из восьми детей в квакерской учительской семье в Ньюпорте (Род-Айленд). Ее отец Джеймс унаследовал значительное состояние. Вместе с женой Мэри Ретбан Гоулд они вели столь расточительный образ жизни, что к завещанию после его смерти были приложены немалые счета по долгам. Трое из братьев Мэри погибли в море, один поселился на Багамских островах. Сестра Кэтрин замуж не вышла, прожив до 90 лет. Другая – Пейшнс вышла замуж за ярого представителя тори Августа Кларка, получившего в 1760-х гг. известность, как сторонник Гербового Акта. Мужем третьей сестры Вейт был мистер Карр, о котором упомянуто в дневнике. В 1762 г. Мэри Гоулд в возрасте 27 лет вышла замуж за приверженца англиканской церкви Бенджамина Элми.

До 1775 г. жители Ньюпорта были в основном равнодушны к противостоянию, разделившему другие колонии. События в Массачусетсе возбудили страх и беспокойство среди лоялистов, вынудив некоторых из них бежать. Как и в других колониях, вопрос об отношении к британской власти раскалывал семьи. Мэри Элми, в силу принадлежности к квакерской общине, была противницей войны и революции, а ее муж сражался в рядах ополченцев Род-Айленда в составе армии Салливана. Но антивоенные настроения Мэри не мешали поддерживать хорошие отношения с родственниками – патриотами. Когда французская эскадра Ш. д'Эстена обстреливала город, Мэри с детьми пряталась у своего кузена Джеймса Коггешелла. В 1775 г. он получил благодаря прессе скандальную известность своим выражением патриотических чувств. «Мистер Коггешелл, придя на Длинную пристань, повернулся голый задницей к британскому пушечному бригу в порту, выкрикивая при этом бранные слова...»¹.

В 1776 г. семья Элми приобрела большой дом на Тейлиз-стрит, конфискованный у лоялиста, морского капитана Джелила Brentона. Чтобы покрыть расходы, Мэри сдавала часть комнат приезжим. В августе 1790 г. в этом доме остановился на ночь Дж. Вашингтон. Мэри Элми прожила 73 года и умерла в марте 1808 г.

Дневник начинается с прибытия французского флота в бухту Ньюпорта 29 июля 1778 г. Мэри внимательно следила за сражением за Род-Айленд и делала записи о нем только для своей сестры Вейт Карр.

«Дневник миссис Элми.

Осада Ньюпорта, Род-Айленд, август, 1778 г.

Нижеприведенный документ был создан миссис Мэри Элми (в девичестве – Гоулд), супругой Бенджамина Элми из Ньюпорта, который в то время примкнул к осаждающей Ньюпорт армии Салливана, пока его жена и дети находились в блокированном городе. Однако миссис Элми

---

¹ The Newport Mercury. June 26, 1775.

симпатизировала крайним Тори, судя потому, как это ярко выражено в ее повествовании. Ее родителями были Джеймс и Мэри Гоулд (в девичестве – Ратбан), также она приходилась внучкой Джеймсу и Кэтрин Гоулд (в девичестве – Кларк) и правнучкой губернатору Уолтеру Кларку. Ее сестра Пэйшнс была женой Августа Джонстона, который в дни Акта о гербовом сборе прослыл как сторонник правительства, а после покровительствовал Тори. Миссис Элми во время и после Революции была хорошо известна в качестве хозяйки знаменитой гостиницы в Ньюпорте – однажды ее гостем был сам генерал Вашингтон. Изящное шелковое покрывало, под которым спал генерал Вашингтон, по-прежнему охраняется как священная реликвия внуком миссис Элми господином Конрадом К. Эллери в Провиденсе. Покрывало в отличном состоянии, так как, надо полагать, никогда не использовалось, кроме вышеописанного случая. Оно было выткано мисс Энстис Эллери, которая впоследствии вышла замуж за Джона Элми и стала матерью Бенджамина. Датировки миссис Элми немного отличаются от других источников, но мы не вправе изменять их. Мы публикуем этот дневник с любезного разрешения мистера Эллери.

Рукопись передана миссис Е. Трубридж Эллери

«Рассказ моей благословенной матери, миссис Мэри Элми, об артобстреле французским флотом под командованием графа д'Эстена позиций британских войск в городе Ньюпорт, Род-Айленд, 29 июля 1778 г.»

Ньюпорт, 2 сентября 1778 г.

«Мой дорогой мистер Элми, я еще раз позволю себе написать вам. Как велико ваше разочарование и велико мое сожаление, которое тяжело перенести, потому что оно передалось от моих друзей, но я умоляю вас не оспаривать мою позицию, настолько отличную от вашей. Благодаря вашему желанию и моему расположению, я предлагаю вам отчет о том, как проходила осада: но прежде позвольте мне сказать вам, собравшись с духом, что я недовольна той нацией, которую вы причисляете к своим друзьям. Вы знаете, что я придерживалась такого мнения и раньше, и даже сейчас это не секрет, хоть вы и находитесь вместе с ними. И я предвижу, что дело закончится так же, как закончилась операция по захвату нашего острова, то есть позором американцев. Вы не будете удивляться моей горячности, когда поймете, как я настрадаюсь, также не изумляйтесь моей искренности, когда откроете и внимательно прочитаете этот рассказ. Итак, вот мое изложение».

Среда, 29 июля.

В девять утра был получен сигнал о приближении флота; в десять утра показались 11 больших кораблей, курсирующих при благоприятном попутном ветре, в ясную погоду. Все вокруг говорили

с надеждой в голосе, что это должно быть лорд Хоу. Спустя полчаса мы были повергнуты в глубочайший ужас – по улицам разносились слова – это французский флот. В этот момент все пришли в замешательство, времени для приготовлений уже не осталось, вот вам живой пример бедных душ, внезапно призываемых в иной мир: большую работу, которую нужно было проделать, так и не начали. Начавшееся возведение береговых укреплений, способных защитить от нападения вражеских кораблей, должно было закончиться только на этой неделе. Торговец глядел на свой заполненный товарами склад, как будто там не было ничего ценного. Лавочник с бедственным выражением лица не нашел ничего лучшего как закрыть магазин на замок и засов. В одиннадцать часов флот бросил якорь у Brentonского перешейка, видимо, ожидая, пока люди с вашего берега не будут готовы атаковать долину острова. Небеса! С каким воодушевлением армия принялась укреплять прежние артиллерийские батареи, с какой ошеломительной скоростью они бросили строить новые укрепления, ночь не остановила их, так необходимо было оказать графу достойный прием. С тяжелым сердцем я попыталась успокоить своих бедных детей словами, что противник не придет до утра, и затем стала прятать деньги и столовое серебро в саду. Покончив с этим занятием к двум часам, и стала хорошенько обдумывать планы на завтрашний день.

Четверг, 30 июля.

Ничего примечательного в этот день не случилось; флот стоял на приколе, готовый внезапно начать атаку, практически все мостовые были разворочены отрядами легкой конницы; этот день был настоящим раем для сплетничающих бездельников. Когда наступила ночь, мое сердце ныло от неправдоподобных слухов, доходивших на меня весь день напролет; вообще главная ошибка всех женщин – сожалеть, когда уже слишком поздно.

Пятница, 31 июля.

С первыми рассветными лучами солнца плотный туман окутал наши дома, и пока он не рассеялся, все пребывали в ужасе; около восьми часов мы заметили в бухте Коддингтона две объятые огнем галеры; новое волнение охватило нас; страх, крики, бегство – вот истинное утешение в беде, когда не имеешь надежды на спасение. К десяти часам туман окончательно рассеялся. Как оказалось, два французских линейных корабля были обнаружены в проливе Сиконнет, и нам пришлось сжечь свои корабли, а людей высадить на берегу.

Суббота, 1 августа.

Флот начал движение; обыватели пришли в ужас, артиллеристы воодушевились, все вокруг было приведено в состояние боевой готовности, улицы быстро заполнились повозками и артиллерийскими боеприпасами: каждую из них деловито запрягали и загружали горючими

веществами, необходимой провизией с такой поспешностью, которая была неизбежна в этих случаях. К вечеру все были настолько подготовлены, что наиболее безрассудная часть населения не желала ничего больше, чем появления французского флота в порту. Но я принялась глубоко молиться, чтобы этого никогда не случилось.

Воскресенье, 2 августа.

Утро выдалось ясным и безооблачным; когда взошло солнце, вниз по течению плыли фрегаты «Жаворонок», «Юнона», «Орфей» и «Цербер». Затем возникла новая растерянность, новые страхи глядели нам в лицо, пока нам не сообщили, что три французских линейных корабля вошли в Конаникутский пролив, и так как фрегаты не обладали достаточной мощностью, чтобы вступить с ними в бой, британцам пришлось, используя с выгодой рассветные часы и благоприятный ветер, скрыться от тех, кто, если бы имел половину своей численности, никогда бы не стал рассказывать заносчивые басни о том, как четыре британских фрегата ретировались с поля боя. Вскоре в поле зрения появилась флотилия, состоящая из 11 линейных кораблей. Мое сердце затрепетало от чувства страха, которое позже переросло в гнев и презрение – самое превосходное лекарство для женщины, более того эти чувства, сменяя друг друга, сохраняли мои жизненные силы.

Понедельник, 3 августа.

С утра объявили радостные вести; небольшая шхуна срочно прибыла из Нью-Йорка; как только она было обнаружена, каждый корабль французского флота счел за честь встретить судно залпом. Командовал им один мужественный, бесстрашный англичанин. Он направил судно к Сэчест-бич; весь экипаж укрылся на дне шхуны и, таким образом, никто не пострадал, что позволило обрести нам бодрость духа. Лорд Хоу беспрестанно ожидал подкреплений. Фрегатам было предписано вернуться на свои позиции, и я испугалась, что нас могут принести, таким образом, в жертву. Весь город пришел в замешательство, не зная, что следует ожидать, кое-кто пытался вывезти свое имущество, офицеры же, наоборот, отправляли свой багаж в город. Люди, лошади, быки находились в постоянном напряжении, не зная отдыха ни днем, ни ночью, мучительное и тягостное бодрствование стало уделом разумных людей. Утомительный день уходил, чтобы смениться еще более утомительной ночью. Каждому мужчине приказали быть в состоянии боевой готовности, американские войска высадились у переправы Хауленд. О! Какой шум! Когда я внимательно изучила список моих друзей, принявших ту или иную противоборствующую сторону, мое сердце затрепетало от мысли: сколько же их погибнет, упрямых и полных решимости. Что ж, можно воскликнуть: сколько чрезмерных разрушений приносит тщеславие. Проклятые французы, они бы никогда здесь не появились, если бы вы их не позвали.

Вторник, 4 августа.

Утро выдалось совершенно безветренным, французские корабли появились перед портом, продвинулись вверх по течению и встали на якорь, развернув флаги. Неслыханная дерзость для тех, кто являлся истинным владыкой моря. Несмотря на то, что наш многочисленный гарнизон пришел в жуткое раздражение, все остались ждать появления Лорда Хоу. Также через доверенное лицо был передан приказ выстроить все транспортные корабли в порту и после разгрузки подготовить их к затоплению, как только начнется атака французского флота. С приходом ночи, курьер по приказу Командора, воспользовавшись опустившейся темнотой, отправился в Нью-Йорк с донесением. Сильно утомившись и чтобы сбросить тяжкий груз с плеч, я пообещала, что если доживу до утра, то отправлюсь на богослужение в Нек молиться за свою мать и детей.

Среда, 5 августа.

Первые новости появились утром. Три французских линейных корабля поплыли вверх по течению, остальные, находясь у входа в порт, подали сигнал отдать швартовы, чтобы привести фрегаты в замешательство. Они подошли настолько близко, насколько это возможно к берегу и попытались атаковать наши судна, но они были подожжены и тотчас взлетели на воздух без надежды на спасение. Вечером всем морякам, находившимся в городе, было предписано по возможности выполнить приказ. Никогда еще не приходилось наблюдать столь курьезной картины. В своей озлобленности я, еще утром чувствовавшая себя совершенно растерянной от дурных предчувствий, в этот момент просто расхохоталась. Каждый моряк, кто мог найти мушкет, должен был вооружиться им, если огнестрельного оружия не находилось, то тогда следовало обзавестись дубинкой из старого раkitника или какой-нибудь другой деревянной болванкой. Бодрость духа моряки черпали в алкогольном напитке под названием «Убей печаль»: кто-то занимался пустяками, кто-то играл на варгане¹. Когда сгустилась тьма, бутылки были полностью опустошены, и мы были вынуждены приютить на ночь еле стоявших на ногах моряков.

Четверг, 6 августа.

Утро было довольно туманным; в воздухе витало мрачное предчувствие того, что как только туман рассеется, наша участь будет решена; все магазины и торговые лавки в городе по-прежнему закрыты, деловая жизнь замерла, осуществлялось лишь возведение укреплений да перевозка грузов; слышался звук пушечного выстрела, сильно напугавший женщин и детей, был отдан приказ о

---

¹ Язычковый музыкальный инструмент, при игре его прижимают к губам или зубам, а рот служит резонатором (Примечание С.К.).

запрете вывоза припасов за пределы города. Несчастные жители, какие же страдания им приносят разворачивающиеся события. Мое сердце переживает за каждого достойного гражданина.

Пятница, 7 августа .

Царила мрачная тишина; никто не мог рассказать никаких новостей; туман был очень густой; все люди вымотались; муки тела и ума с тысячей предположений, которые сопутствовали такому общему беспокойству, вызывали покорность судьбе, будь это жизнь или смерть. Все адские переживания, случившиеся за эти последние дни, были оставлены до ночи субботы, так как мы начали думать, что завтрашняя ночь будет переломной, было решено рано лечь спать, чтобы как можно быстрее выйти из потрясения; но в восемь часов, по возвращению некоторых моих родственников в город, занятых вывозом имущества, стало известно, что был дан приказ сжечь все дома и каждое строение вблизи трех миль от города, как только вражеские силы высадутся на острове, чтобы таким образом противник не смог устроить из помещений казарм. Несчастные жертвы; они не знали, что делать: приехать в город, где они погибнут, или вернуться назад, где их хозяйство будет полностью уничтожено, если они останутся. Небеса! Что за жалкий вид приобрел этот прежде счастливый и цветущий остров. Будь проклят человек, кто принес все это горе и разорение хорошим людям. Ни сна в моих глазах, ни усталости на веках этой ночью; но посуди сам, какие меры я могла предпринять, даже имея присутствие духа, как ни одна из женщин; шесть детей висели на мне, маленькие девочки спрашивали: «Мама, они убьют нас?». Мальчики старались сохранить мужественный вид, и пытались хоть как-то помочь, но совершали ошибку, шепотом говоря девочкам: «Кто, по-вашему, причинит вам боль? Разве ваш папа не придет с ними?» Это разрывало мне сердце. После трех лет напрасных скитаний мы не можем встретить тебя гостеприимно. Но я вышла из оцепенения, услышав ожесточенную стрельбу. Я велела моим детям бежать, мы отправились на улицу, здесь было столпотворение, мужчины, женщины и дети, все очень испуганные, как и я, это зрелище привело меня в себя. Я немедленно приказала моим малышам, каждый из которых нес большую поклажу, продолжать путь дальше, пока я найду к матери спросить, что она собирается делать. Она попросила меня вернуться к детям, так как моя сестра Карр и Сьюки собрались ее сопровождать. Я побежала так быстро, как только можно себе представить, пока не догнала их. Корабельные орудия непрерывно палили, женщины визжали, дети падали на землю, плача. Милостивый Господь! Эта картина навсегда останется в моей памяти. Я рассказывала тебе прежде, что постоянно посещала проповеди и стараюсь вести праведную жизнь. Нам говорили, что мы совершаем ошибку, но я думала, что лучше отправится в то место, где нас ждет теплый кров и пища. Так как корабли уже обогнули мыс, каждое ядро пролетало над нашими головами, и после того, как миновали две заставы, стало еще опасней. Мальчики несли Билли на руках; другие тащили большие узлы поклажи, я волновалась за детей. Иногда мне приходилось

останавливаться только для того, чтобы похвалить или отчитать их, в зависимости от ситуации. Вдруг большой корабль, который плавал недалеко, дал такой залп, что я в самом деле подумала, что придется распрощаться с жизнью. Мы залегли на дно ямы, неподалеку от дома Джемми Коггешэлла, и когда корабль отплыл, выскочили и побежали снова. Кузен Коггешэлл, видя наши мытарства на долгом пути, рискнул прийти к нам на помощь, будучи крепко убежденным в том, что каждый выстрел зависит от воли Всевышнего. И я также разделяю его мнение, так как если бы дьявол управлял стрельбой, так же как он послал сюда французов, здесь бы не осталось ни одной души, чтобы рассказать эту историю.

Суббота, 8 августа.

Задолго до наступления дня, когда я была уже готова подняться, ничего особенного не произошло. Ночь я провела скверно: меня преследовали ночные кошмары, а как только я пыталась успокоиться и задремать, жужжание то ли мухи, то ли комара рядом со свечой прерывало мой сон. Утренняя канонада, которая так любит французский адмирал, испугала меня до смерти. Первые известия, которые дошли до меня, рассказывали о том, что двадцать тысяч человек высадились на суше без особых помех. Королевским войскам было приказано оставить низменную часть острова. Около 12 часов они подожгли 16 зданий, что мне показалось не только жестоким, но и бесполезным. Мы наскоро подкрепились обедом, зная, что горести переносятся гораздо легче на полный желудок. В час дня всему французскому флоту был дан сигнал сняться с якоря, дул сильный ветер. Целый час – огромное время, чтобы подумать о том, как не попасть в плен. Господи! Какое горе! Какой ужас сковал меня! Где теперь искать защиту! Мой выбор остановился на погребе. Но если они сожгут город - я не рискну спрятаться там. Пока я раздумывала, мой кузен приготовил нам славное местечко под большой скалой, где вся моя семья могла чувствовать себя в безопасности. Расположившись за стогом сена, я занялась любимым утешением женщин – бесшумный поток слез хлынул из моих глаз – я плакала о друзьях в городе, которые еще никогда не подвергались и половине тех испытаний, которые выпали на мою долю. Кузен Коггешэлл принес вишневый ром, и во мне все больше росла уверенность, что я смогу справиться с навалившимися на меня испытаниями. Через несколько минут дилижанс привез мою мать, сестру и Сьюки. Они решили позаботиться о нашей семье и направились к дому, где я укрылась. Благодаря этой заботе я испытала прилив сил и снова стала самой собой. Корабли проплыли мимо батарей без единого выстрела и бросили якорь у северной оконечности острова Конаникут. Затем перед моими глазами предстало ужасное зрелище: судна, которые не затонули, были подожжены, и пламя, поднятое сильным ветром, грозило перекинуться на город. Я поехала к себе домой с таким же рвением, с каким его покинула, чтобы убедиться, что моему дому ничего не угрожает, уже уставшая от осознания всего случившегося. Очень тяжело описывать все ужасы этой ночи, можете называть

меня глупой, но ни один язык не способен точно передать все оттенки происходящего. Пламя войны настигло нас, и голод был уже поблизости – запасы хлеба подходили к концу. Около 12 часов ночи стрельба стихла; воцарилась тишина, прерываемая лишь окликами часовых, осматривающих брошенные судна, что «все в порядке». Что касается меня, из всех моих домашних только я не ослабла. Все джентльмены искали спасения под защитой войск. Бен - в Нью-Йорке, Якоб заготавливает древесину на Лонг-Айленде, мои дети – в Неке. Какие мучения я испытала, когда попыталась собрать разбросанные в беспорядке мысли. Наш Господь так добр ко мне, послав капитанов транспортных судов навестить меня. Они жалели и симпатизировали мне, и поручили присматривать за мной двум матросам. Я надеюсь, что никогда не забуду их доброту. Ночь я провела, глядя на пламя огня. Так закончилась эта ужасная суббота.

Воскресенье, 9 августа.

Рано утром наши джентльмены пришли домой, чтобы узнать, как у нас дела; мой верный, заботливый Уильям принес нам все новости, позаботился о коровах и свиньях и отнес сообщения детям, которых он всегда очень любил. Он был расстроен оттого, что не мог заставить меня поверить в то, что мы никогда не станем жертвой французов, и все его рассказы были по большей части о неприступности укреплений, и о том, что американцам было не под силу их прорвать. Около десяти часов он пришел рассказать мне о том, что на горизонте появился флот; это должно быть Лорд Хоу. Странная революция!, такое изменение в положении дел всего за несколько часов. Морские офицеры, которые несколько часов назад выглядели безутешными и жалкими, сейчас седлали любую лошадь, какую могли найти в ближайшей округе, и неслись во весь опор, чтобы посмотреть на корабли, которые в ближайшие три дня должны были бы спасти их. Офицеры армии, освобожденные на четверть часа от службы, мчались рассказать своим друзьям, что лорд Хоу прибыл. В течение дня больше ничего не произошло, радостные толпы блуждали вдоль берега; все в приподнятом духе. Моряки веселились так яростно, что разодрали все свои палатки. Они с неистовством накидывались на все, что могли достать. К вечеру собралось огромное количество матросов, достаточное чтобы укомплектовать флот. Никто не знал, что произойдет в дальнейшем. Каждый гадал о политической стратегии и тактических планах Лорда Хоу, чтобы заставить этого мерзкого французского графа пожалеть о его присоединении к восставшим против истинного и законного монарха. Пришла ночь, мы потихоньку разошлись по домам и сладко заснули.

Понедельник, 10 августа.

Все встали рано; ожидая от этого дня великих свершений; около восьми часов французский флот целиком двинулся к месту битвы. Лорд Хоу отдал команду сняться с якоря; казалось, часы замедлились, так озабочены мы были отмщением. В 9 часов мы увидели, что английский флот

отошел. Это удивило нас, но по-прежнему казалось, что это было сделано, чтобы иметь пространство для маневра. О чем думал граф д'Эстен, небеса знают!, но его поспешность была велика. Он обрубил все канаты и начал стрельбу по порту, как будто сам дьявол вселился в него, и наши батареи отвечали на его любезности возмездием, часть горожан отправились в Нек, чтобы увидеть грандиозное морское сражение, но вернулись через несколько часов весьма разочарованными. Как потом рассказывали, сила Лорда Хоу была недостаточна, чтобы сразиться с таким флотом. Ночью ни один корабль так и не появился, но мы были счастливы, что освободились от Месье. Что касается меня, я сделалась такой отважной, что не покинула дом во время очередной бомбардировки. Молодые люди настойчиво уговаривали меня спуститься в погреб ради собственной безопасности; и я была настолько сильно разбита, из-за моего субботнего бегства, что не смогла бы пройти и половины пути. Так как большая и тяжелая ноша в виде кучи ребятишек была снята с меня, я уговорила себя спуститься в погреб, находящийся позади большой бочки с мусором, пока сильный огонь не прекратился. Но что было очень примечательно, несмотря на сотни ядер и пуль, обрушившихся на город, ни единая душа не пострадала.

Вторник, 11 августа.

Этим утром начался сильный шторм (именуемый континентальным штормом). Он начался до рассвета и продолжался с ужасным громом и молниями весь день. Ветер дул с ураганной силой, со времен потопа дождь еще никогда не лил сильнее. Палатки были порваны в клочья, все солдаты и матросы были похожи на мокрых крыс. Их командировали в город, чтобы отдохнуть и немного расслабиться, но в то же время быть готовыми в любой момент. Я развела сильный огонь на кухне и приготовила кое-что поесть и выпить, чтобы порадовать несчастных, которые радовали меня прежде, приходя с деньгами в мою лавку. После слов благодарности и благословений они ушли, так и дождавшись окончания шторма. Пришла ночь, и мы отправились в постель, не опасаясь никакого наступления этой ночью.

Среда, 12 августа.

Шторм продолжился, и с точно такой же силой, с какой начался. Мои дети оставались в Неке, дом выглядел по-настоящему угрюмым. Деловая жизнь остановилась; все магазины оставались закрытыми, на улицах ничего не было видно, кроме телег, лошадей и нескольких старых усталых кучеров, которым не было дела ни до короля, ни до тех, кто восстал против него. Им было достаточно знать, что если никто в ближайшее время не победит, они и их лошади погибнут. А так как у этих люди были большие семьи, лошадям придавали жизненное значение: их труд поддерживал всех; и кто бы не пришел к власти, их служба должна оплачиваться. Верная мысль, что и люди, и животные достойны жалости. Ночь казалась мрачной и очень темной.

Четверг, 13 августа.

Дождь немного утих. Туман полностью рассеялся, благодаря чему мы обнаружили, что твои люди расположились намного ближе. Огромное число людей занималось работой. Город нуждался в хлебе, однако рис был в изобилии, и никто не голодал. Люди настороженно наблюдали за передвижением обоих флотов. Хотя я и ослабла, как смерть, верь мне, мой дорогой мистер Элми, я не извозчики, о которых я упоминал вчера и которым, если все идет гладко, без разницы кто правит. Я – за английское правительство и английский флот; мне безразлично, кто победит французов.

Пятница, 14 августа.

Этим утром были захвачены три пленника, все джентльмены, добровольцы из Нью-Хемпшира, которые разведывали местность, к несчастью для них, слишком близко к линии фронта; они были сопровождены к тюремному начальнику, но с ними обращались хорошо. День был приятным и ясным, весьма жарким. Ничего примечательного не случилось, пленным предоставили возможность пообщаться, что свойственно человеческой натуре – наслаждаться всем хоть сколько то необычным из того, что произошло. Никаких новостей о флоте, ничего не происходит. Мои мать и дети по-прежнему в Неке и я собираюсь оставить их там, пока все не закончится. Скучные дни, угрюмые ночи. Хотелось бы знать, останусь ли я в живых.

Суббота, 15 августа.

Я проснулась рано, все вокруг казалось спокойным; от одного конца улицы до другого не было видно ни души. И когда выпадала счастливая возможность встретить кого-нибудь из моих друзей, они выглядели обеспокоенными, и на их лицах отражались страдание и меланхолическая бледность, что делало меня более несчастной, чем когда я раздумывала над своими бедами в одиночестве. Но, признаюсь, иногда я вижу проблеск покоя, когда мне говорят тихим слабым голосом: ты вновь будешь счастлива. Тогда с каким воодушевлением пройду я через все невзгоды и трудности, которые в другое время я посчитала бы невозможным. И благодаря джентльменам, которые находятся рядом со мной в доме, мне становится легче, как только может быть легче человеку в моей ситуации. На самом деле не отыщешь людей лучше, чем под нашей крышей. Мистер Амори из Бостона был одним из тех, чью доброту я не забуду никогда. Я почти стыжусь, что никогда не упоминала его прежде, на страницах, из которых состоит это повествование.

Воскресенье, 16 августа.

Воскресная церковная служба в этот день не проводилась. В разные стороны движутся повозки, строятся укрепления; ваши люди подкрадываются все ближе, возводя новые редуты каждую ночь.

Наши люди каждое утро наблюдают с удивлением и изумлением за деятельностью противника. Право, мистер Элми, мое любопытство было так велико, что мне захотелось посмотреть на окопы, так как я полагала, что вы находитесь где-то там; и один мой знакомый, приятный молодой человек по имени доктор Хассилон, отвез меня в легком экипаже до госпиталя, прежде принадлежавшего мистеру Коззенсу. Перед нами раскинулся чудесный вид Варского сада и всех военных лагерей вокруг него. Поверь мне, дорогой друг, ни одна несчастная душа не вызывала большей жалости, когда противоречивые, смятенные чувства овладели мной по возвращении. Желание вернуть моего скитальца и, в то же самое время, чувство негодования против тех, кто называл себя твоими друзьями, охватило меня, поэтому я вернулась домой еще более расстроенной, источник моих душевных сил был пуст. По возвращению меня завалили расспросами, чтобы узнать причину моего расстройства; но те, кто знал степень моей впечатлительности, оставили меня наслаждаться моим горем, от которого не было лекарства до тех пор, пока не наступила ночь; и я не спряталась от мира.

Понедельник, 17 августа.

Ничего значительного не случилось, каждую минуту ожидалось появление французского флота. Все были изнурены в той или иной степени, и мрачно предчувствие грядущих событий приводило нас в отчаяние. Около двенадцати часов они открыли по нам артиллерийский огонь, и весь день прошел в обоюдных обстрелах; к вечеру они забросали нас снарядами. Это должно быть впечатляющее зрелище, если бы оно не несло собою смерть. Я сидела на крыше дома до двенадцати, рассматривая и удивляясь сумасшедшей выдумке людей уничтожать друг друга.

Вторник, 18 августа.

Поднялась рано, ночь была одним непрекращающимся ужасом; иногда мне являлся ваш приятный образ, с выражением лица в минуты счастья; потом снова, все было разрушено; стрельба, огонь и все время ужас - так мое сердце предсказывало беду. О! Это был конец! Я знала, случилось худшее. В восемь часов стало известно, что полковник Брюс из 55 части в районе сторожевой заставы на Юго-Западном побережье взял в плен лейтенанта, сержанта и еще 12 человек. Никогда еще не было подобного дружелюбного отношения, какое выказал полковник к своим пленным, когда отправил их к тюремному начальнику. Он очень вежливо спросил молодого лейтенанта, не примет ли он 10 гиней, так как предположил, что у него нет денег для проезда. О! Мистер Элми, вы должны признать, это был благородное деяние. Если бы со всеми пленными обращались так, не было бы повсеместного возмущения. День прошел без каких-либо происшествий, дающих повод публике посудачить. Они продолжали непрерывный огонь со своих батарей после полудня. Вечер, скучный, грустный и по большей части одинокий, я вскоре отправилась в постель, чтобы поразмышлять о прошедшем дне.

Среда, 19 августа.

Спала немного или вообще не спала, мой разум был чрезвычайно взволнован, расстроен из-за моих друзей, которые, как я полагала, скоро станут пленниками; я придумала тысячу разных планов, чтобы спасти их от несчастья, но все напрасно. Утро пришло, и я должна была прожить еще один день: ничего примечательного в течение него не произошло. Светлые ожидания переполняли нас, все ждали возвращения французского флота под английскими флагами, что, как мы представляли, обеспечит нас счастьем и прочным миром. Небеса, с какой радостью я получила бы благие известия, с какими приветствиями, с десятью тысячами приветствий я обратилась к многочисленным заблудившимся скитальцам. Родители, вызволившие своих детей из омерзительных тюрем, жены – своих супругов, надолго изгнанных от всего, что они считали дорогим. Братья и сестры, сердечно встречающиеся после утомительной разлуки. Эта идея представлялась нам даром небес.

Четверг, 20 августа.

Ранний подъем; семья моя небольшая; дети по-прежнему в Неке; мой заботливый Уильям пытается найти хотя бы толику информации, которая могла бы приподнять мой упавший дух. Около семи часов он пришел сказать мне, что виден флот, и он надеется, что Лорд Хоу принесет нам минуты спокойствия; но мое сердце предсказывало кое-что похуже. Все страхи, которые завладевали мной с момента последней канонады, теперь вернулись с двойной силой. Но посреди этого замешательства мыслей я отважно решила взять себя в руки и ждать ветра перемен с той стойкостью, на какую только способна. Взглянув назад, на мое прежнее поведение в жизни, я находила себе оправдание в том, что раз я прежде хорошо относилась к людям, то они будут поступать в отношении меня также. Это мысли успокаивали меня, и когда мне сообщили, что у берегов появился французский флот, я встретила эту весть без такого видимого волнения, которое я выказывала прежде. Они все встали на якорь на старом месте, ниже Нека. Очень скоро обнаружилось, что они были в разбитом состоянии, потеряли свои стеньги, имели на один корабль меньше, чем когда уходили. Вокруг берега ежеминутно кружили лодки. Все были в некотором волнении, так как не знали о своей участи; это выяснилось очень скоро. Наши опасения мучили нас, и десять тысяч лживых историй, которые мы слышали, не могли вывести нас из шока. Мы были измотаны муками этого ужасного дня, но не смели хоть немного отдохнуть из-за страха, что мы можем быть схвачены спящими; никогда прежде я так не боялась ночи, никогда так не жаждала увидеть утренний свет. Но пока были видны хоть очертания Нека, я оставалась на крыше дома.

Пятница, 21 августа.

К моему изумлению, я вышла из дома и не обнаружила кораблей, куда они могли уйти? Это было сущим чудом. Скоро, очень скоро, по городу пошли слухи, что они ушли. Выдвигались разнообразные предположения. Все трезвомыслящие люди пребывали в изумлении. Люди на острове продолжали работать, лица выражали оттенок некоторого недоумения; бедные солдаты были измучены постоянной службой, и деятельные и мужественные люди уже были готовы пасть под тяжким бременем. Но эти новости приобрели новое обличье, и каждая вещь повернулась другой стороной. Позвольте сказать вам, что хотя они и боялись французов, но они знали, что их флот должен был сдаться. День прошел стремительно, и к ночи я была вынуждена позвать своего помощника - мое бедное редкое здравомыслие, чтобы заставить себя уснуть.

Суббота, 22 августа.

В городе все мирно и спокойно. Первая новость была такой: континенталы (восставшие) свернули свой лагерь, взяли всю свою артиллерию, запасы и провизию и двинулись в нижнюю часть острова, чтобы обезопасить свое отступление. Генерал Пигот приказал 43-му и 22-му полкам¹, гессенцам и ауспейчерам преследовать их, пока не стемнеет. Через несколько часов раздалась оглушительная пальба. Пигот приказал полку Фэннинга идти к ним на помощь и через два часа дал приказ 38-ему полку двигаться прямо, а частям Фэннинга – вернуться на исходные позиции, и в 11 часов послал солдата легкой кавалерии вернуть 38-й полк обратно. Все было страшно и непонятно. Гессенцы настигли отряды на Красной дороге, около фермы Рэдвуд. Они преследовали их с особым ожесточением, противник медленно отступал, оставляя после себя дорогу, усыпанную мертвыми телами. Восточная дорога была местом кровавой бойни: от возвышенности, где располагается дом кузена Элми, до подножия Квакер - Хилла. Расположившись на перекрестке, они продолжали сильный огонь до двух часов, а потом начали хоронить мертвецов и выносить раненых. О! Как много семей в этот день сделалось несчастными. Вид тяжелых повозок, везущих раненых мужчин, их кричащих жен смягчил бы самое жесткое сердце. Прекрасные юноши погибли в один момент. Вкратце, это выше моих сил, чтобы описывать. Ужасы этого дня никогда не сотрутся в моей памяти. Я покинула компанию и спряталась, чтобы погоревать в одиночестве о порочности моей страны. Ничье сердце не было более взволновано, чем мое. Некоторые из моих друзей были на

---

¹ **Британские войска:** 4 пехотных полка: 22-й, 38-й, 43-й, 54-й; 6 гессенских пехотных полков (Landgrave, Huyne, Ditforth, Bunau, 2 - Anspachs); 3 пехотных полка лоялистов; (команд. - Уайтман, Браун, Фэннинг); гессенские егеря; флотские артиллеристы; королевская морская пехота. **Континентальная армия:** 8 пехотных полков (1-й и 2-й Род-Айлендские, 4-й и 13-й Массачусетские, полк Уэбба, полк Джексона, полк Шерберна, полк Ливингстона, 6 полков от штата Род-Айленд, 1- от штата Коннектикут, рота легкой кавалерии Лэнгдона и полк Пибоди из штата Нью-Гемпшир, полки ополченцев (команд. – Хейл, Николс, Эванс), 4 артиллерийских полка. - Lippitt C.W. The Battle of Rhode Island. A Paper read at a Special Meeting of the Society in the Old State House. September 25th, 1915. - Bulletin of the Newport Historical Society. N 18. Newport (R.I.).October, 1915. P. 4 -13.

передовой во время сражения, и только небеса знают, сколько – на другой стороне фронта. Вместо того, чтобы узнавать новости или заботиться о душе, оцепенение овладело мной. Наконец, я оставила семью, чтобы в одиночестве обратиться к небесам с мольбой о том, чтобы защитить тебя и оградить от плена и смерти. Каждый печальный взгляд и каждое грустное выражение лица у людей, что я встречала, вызывали у меня страхи и опасения услышать: твой муж лежит среди убитых, или что он ранен или в плену. Подумай, что за жизнью я живу, зная твою склонность подвергать себя опасности.

Воскресенье, 23 августа.

Континенталы (восставшие) разбили лагерь на Виндмилл -Хилле, здесь практически не ведется стрельба. Большинство военных соединений получили приказ уйти. Нечто грандиозное может произойти, если вам не удастся быстро улизнуть. Со стороны Квакер - Хилла постоянно движутся всадники. Каждый час мы ожидаем генерального сражения, мое сердце наполнено грустными историями. Каждый госпиталь наполнен ранеными мужчинами. Воскресную службу не провели, вокруг только ужас и разруха. Сельские жители разорены. Посреди всего этого хаоса одни уходили в загробный мир, а другие грабили беззащитные фермерские дома. Смерть и разрушение стояли перед глазами на каждой четверти мили до тех пор, пока офицерам не доложили о мародерстве и они не назначали охрану у каждого дома. И к чести британцев, их гуманность и милосердие к раненым пленным были выше всяких ожиданий. С этой целью был устроен госпиталь для раненых пленных. Сиделки были выбраны из местных жителей, поэтому они могли получать все, в чем нуждались. Доктора, чья доброта, понимание и сострадание никогда не забудется. И когда бы не восторжествовала справедливость, в конце войны, я надеюсь, этот пример великодушия сохранится в ваших архивах. Наступила ночь, оставив все произошедшие события в ушедшем дне.

Понедельник, 24 августа.

На рассвете топот лошадей и звук множества голосов прогнал прочь краткий сон, которого было достаточно, чтобы не только успокоить мой возбужденный мозг, но вместе с тем и принять самое худшее. В семь часов прискакал солдат легкой кавалерии с новостями о том, что противник отступил, полностью перейдя через переправу Хауленд. В восемь часов прибыл курьер и сообщил, что они начали сворачивать лагерь рано вечером и покинули его до наступления дня вместе с артиллерией, обозом, ранеными и оставшейся армией. В десять часов заглянул мистер Хилл и рассказал, что видел вас в пятницу и что вы просили его предупредить меня утром в понедельник, что вы с джентльменами придете к завтраку домой. О, мистер Элми, какое ужасное разочарование постигло вас? Можете ли вы сохранить стойкость духа? Господь, я надеюсь, будет вас поддерживать и впредь. И самое главное помните во всех ваших трудностях и жизненных

перипетиях, что это Всемудрый вседержитель человечества посылает нам испытания, и, в конечном счете, наше терпеливое ожидание будет щедро вознаграждено счастливой встречей.

Надпись на форзаце:

«Сьюки, ради всего святого, сохрани эту рукопись и сделай так, чтобы ни один глаз не прочитал написанное, исключая тебя и мистера Карра»¹.

---

¹ The Newport Historical Magazine. July 1880. N 1. Vol. 1. PP. 17- 36. Published by Newport Historical Publishing Co. Newport (R.I.).